

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТРОЯНСКОГО МИФА

В художественной литературе сопоставление с высоким мифом издавна способствовало не просто моральному возвышению события или героя произведения, но помогало открыть новые семантические пласты, будь это психология героя, или историософское осмысление загадок бытия. Сравнение российской судьбы с историей Трои оказалось весьма плодотворно для русской культуры, хотя, чтобы этот сюжет стал близким и волнующим, потребовалось несколько этапов освоения этого знаменитого греческого мифа.

Известные еще в Древней Руси со времен переводов хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы троянские сказания о похищении Елены, о битвах Ахилла, Патрокла и Гектора очень рано вошли в общекультурный фонд. Общение с троянским мифом стало особенно важно в русской литературе, начиная с петровского времени: Гомер – первый писатель Европы, и Россия должна начинать свой культурный путь на Запад от самых основ. Но все-таки до определенного момента Троя осознавалась как легендарное *чужое* прошлое.

В настоящей статье мы попытаемся отметить многообразие на русской почве самого значения такого понятия как «Троя» а также показать, что с определенного момента троянский миф приблизился к русской культуре настолько, что стал осознаваться личностно близким как судьбам литературных персонажей, так и судьбе России.

Отметим разные варианты восприятия самого концепта «Троя»:

1. Гомеровская Троя – мир древней доблести, подвигов, благородства и широты души. Для большинства образованных русских читателей это был знакомый с гимназических лет классический мир переводов с греческого языка «Илиады» и «Одиссеи», мир скучновато-величественный, не предполагавший личностного отношения к происходящему.

2. Совершенно иной облик имела «еврипидовская» Троя. Это мир катастрофы, невинного страдания, общей иррациональности бытия, непостижимости судеб человека и мира. В первую очередь имеется в виду

трагедия Еврипида «Троянки» – пьеса, где нет единого сюжета, но дается череда трагических эпизодов в захваченной Трое, показана гибель великого города и его жителей, где беспомощным и слабым нет спасения, а захватчикам нет воздаяния, (хотя их злодеяния бессмысленны – по мифу, уже за рамками пьесы, гибель ждет и греков, они осквернили алтари троянских богов и будут наказаны – их корабли, погибнут в великой буре). В России этот образ Трои был воспринят через посредство Шекспира (в «Гамлете» упоминается актер, играющий в «Троянках»), и Гамлет удивлен, насколько чужой мир вызывает у него ужас и сострадание к невинным жертвам рока: «Что он Гекубе, что ему Гекуба»). В еще большей степени еврипидовская Троя была представлена в поэзии Шиллера. Его стихотворение по мотивам «Троянок», «Торжество победителей» в переводе Жуковского было известно каждому образованному человеку:

Сколько бодрых жизнь поблекла!

Сколько низких рок щадит!..

Нет великого Патрокла;

Жив презрительный Терсит.

Все великое земное

Разлетается как дым:

Ныне жребий выпал Трое,

Завтра выпадет другим.

Смертной силе нас гнетущей

Покоряйся и терпи;

Спящий в гробе мирно спи;

Жизнью пользуйся живущий.

3. Иное значение принимает Троя в мире римского поэта Вергилия, в отличие от Гомера, смотревшего в «Энеиде» на гибель Трои только глазами троянцев. История о Трое воспринималась глобально, как гибель целого мира. Это восприятие стало актуальным в эпоху русской революции 1917 года. Троянская катастрофа неожиданно приблизилась к русским реалиям. Пала

великая империя – Россия, пала ее столица на море, Петербург – в таком контексте он становился новой Троей. Уезжавшие на Запад писатели, философы, художники чувствуют себя новыми Энеями, беглецами. Георгий Адамович признавался через 35 лет «Для меня в слове «Троя» столько всего – что само упоминание о ней для меня поэзия». А уезжая в 1919 году в эмиграцию, он писал:

Тогда от Балтийского моря
Мы медленно отступали.
И вдали голубое море
У подножия Трои билось¹

Троя – это покидаемый Петербург, Россия, вся прошлая жизнь, мир утонченной культуры. В стихотворении «Что там было? Ширь закатов блеклых» Адамович тоскует об исчезнувшем подобно Трое Петербурге: «На земле была одна столица. Все другое – просто города».

Другой поэт-эмигрант А.Ладинский писал в стихотворении «Посвящение»:

О, как мы плакали, бросая дом.
В сугробах замерзала наша Троя.
И призрачным непрочным мотыльком
Ушел кораблик наш искать покоя².

4. Но «Энеида» повествует не только о гибели великой цивилизации. «Энеида» – произведение, исполненное провиденциальности и оптимизма. Она – о великой миссии беглецов во главе с Энеем. Эта миссия неустанно предстает перед ними в снах и прорицаниях оракулов. Покинув старую родину, они должны отыскать новую, построить новое, прекрасное государство, которое когда-нибудь станет могучим Римом, великой империей. Эта идея на первых порах вдохновляла и российских эмигрантов. Построят ли они новую родину или останутся жалкими беглецами? Рима создать не удалось, но эмигрантские

---

¹ Арьев А. Ю. Античные маски Георгия Иванова // Античность и культура Серебряного века. М., 2010. С. 375.

² Там же.

Берлин и Париж, особенно поэзия эмиграции – оказались значительным явлением не только в истории «русского зарубежья», но и в европейской культуре. Нина Берберова писала в «Лирической поэме»: «Я не в изгнание, я – в посланье».

Однако тема Трои, понятая сквозь призму «Энеиды» навевала и более пессимистические идеи. Возникают – а затем исчезают под напором варварства великие царства и от них не остается ничего. Так, например, Георгий Иванов писал, отказываясь понять и принять историческое забвение, волны которого все более явственно захлестывали белую эмиграцию: «Нет ни похода Ледяного, ни капитана Иванова. Ну абсолютно ничего». Ирина Одоевцева написала об этом в стихотворении «Всегда всему я здесь была чужою...»: «Построили и разорили Троию». Георгий Иванов подхватил эту мысль: «Построили и разорили Троию, Построили и разорят Париж. Что нужно человеку – не герою – На склоне?.. Элегическая тишь».

5. В российской поэзии советского времени образ Трои как несбывшегося счастья, навсегда исчезнувшей великой страны и ее культуры находим у О.Мандельштама: «Греки сбондили Елену по волнам, Ну а мне соленой пеной по губам ... По губам меня помажет пустота. Строгий кукиш мне покажет нищета». Или у Александра Галича в романсе, посвященном Вертинскому: «А Троя? Разрушена Троя. И это известно давно». Поэт с горечью декларирует распад и исчезновение красоты в современном мире под напором пошлости: «А нашу Елену... Елену не греки украли, а век».

6. Следует отметить и еще одно значение – самое универсальное. Троя – это реальный мир открытий Генриха Шлимана, за которыми в 1870-е годы с замиранием сердца следил весь образованный мир. Современному человечеству предстала седая древность, первооснова европейского мира в ее потрясающем величии. В таком аспекте история о расцвете и гибели Трои действительно предстает универсальным эпосом о формировании человечества. Именно к этому уже не мифологическому, а реальному образу обращался Достоевский в

финале «Братьев Карамазовых» – также колоссального эпоса о погибающей, но все-таки имеющей шанс возродиться России.

В романе предстает последняя четверть XIX века. Достоевский отчетливо ощущал близящийся перелом, российскую катастрофу еще в романе «Бесы». Начиная этот роман как памфлет против нигилистов-нечаевцев, он возвел частный случай к роману-трагедии, роману-мистерии. В последнем романе «Братья Карамазовы» тема старого мира, уходящего в прошлое, получает особенно мрачное освещение. Если Тургенев еще испытывал ностальгию по обреченным «дворянским гнездам», то дворянская культура в семействе Карамазовых демонстрирует гниение и распад: низменное сладострастие и ничтожность старшего Карамазова, пьяный разгул и буйство Дмитрия, утонченный, холодный, демонический интеллектуализм Ивана. Даже чистый Алеша и то ощущает в себе «карамазовщину». Старая Россия себя исчерпала. Но Достоевский в этом романе провидит и новую эру, она начинается с мальчиков, встретившихся Алеше Карамазову. Это начало – почти с нуля, с первобытного варварства, жестокости стаи. (Мальчишки при первой встрече с Алешей Карамазовым бросаются камнями, один из них кусает его за палец.) История повторяется, начинаясь сначала, «с основания Трои».

Недаром именно этот вопрос – «Кто основал Троию» – так волнует русских мальчиков. Примечательно, что учитель Дарданелов, хоть он, по признанию мальчишек, человек справедливый и умный – не знает. Он – представитель старого поколения, рационалист, он говорит о движении народов, о постепенном формировании государств, но не видит очевидного; он просто не способен к самоидентификации: его фамилия происходит именно от Дардана. Так старшее поколение уже утратило способность осознавать истину. Ил – сын Дардана (по другому варианту мифа – правнук Дардана, сын Троя) пал жертвой, его могила под камнем легла в основание Трои. Над постелью умирающего Илюшечки мальчик Карташев раскрывает тайну – Троию основали Тевкр, Дардан, Трой и Ил. Как справедливо отмечают Фредерик Т. Гриффитс и Стенли

Дж. Рабинович в монографии «Третий Рим»³, смерть нового Ила (могила которого легла в основание Трои) – Илюшечки закладывает основание нового братства, основанного уже не на дикости, а на любви и сострадании. Именно молодому поколению, по мнению Достоевского, предстоит перестроить и возродить этот разрушающийся мир. Так роман Достоевского приобретает черты нового эпоса, где древнее и в то же время юное язычество нарождающегося мира сливается с христианством.

6. В конце XX века Россия опять оказалась на переломе. Вновь происходит распад и гибель Российской Империи – уже в ее советской ипостаси. Но означает ли он исчезновение страны, окончательный распад культуры? В масштабнейшем художественном исследовании Андрея Битова «Империя в четырех измерениях», поднимался вопрос о сути русской империи, ее людях и событиях, о нравственном смысле ее существования. Примечательно то, что когда объект исследования уже перестал существовать, в позднем романе «Преподаватель симметрии», Битов также почувствовал необходимость обратиться к троянскому мифу. В первой новелле романа, названной «Вид неба Трои» возникает странный, нелегко поддающийся дешифровке образ: в руки главному герою попадает фотография, названная «Вид неба Трои». Главному герою, писателю Урбино Ваноски, ее подсовывает некий inferнальный толстяк с портфелем. На снимке только небо, но что-то заставляет героев поверить, что это небо Трои. Что остается от великих разрушенных империй? Пустота и забвение – или все-таки остается «воздух культуры», пусть почти бесплотное, но воспоминание, которому суждено снова воскреснуть и воплотиться. Оставляя за спиной развалины горящей Трои, Эней и его спутники смогли увезти с собой лишь образ родины, «вид неба Трои» и на новой земле, среди новых условий жизни сумели воссоздать и многократно приумножить утраченную красоту и величие.

Роман Битова имеет подзаголовок «Роман-эхо». При всем игровом характере интертекстуальности в романе античный миф придает повествованию

---

³ Гриффитс Ф.Т., Рабинович С.Дж. Третий Рим. СПб., 2005. С. 253.

бытийный смысл: в эпохи катастрофических исторических переломов эхо древней культуры и эхо вечной красоты не может исчезнуть, оно по-прежнему тревожит современного человека, вызывая к жизни новые и вечные образы, предвещая новые исторические возможности.